

ГОРИ ОНО

ЯСНЫМ ПЛАМЕНЕМ

НАДЕЖДА ВЕРЕЩАГИНА

16+

Надежда Верещагина
Гори оно ясным пламенем
Серия «Разговор окончен», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67601054

SelfPub; 2022

Аннотация

Утро разрушит опоры. Мир нацелится растворить подчистую.
А что ты хотела, если вцепилась в смысл – явственный смысл –
остаться собой?

Содержание

1	4
2	7
3	18
4	26
5	40
6	45
7	52
8	57
9	66
Эпилог	79

Надежда Верещагина

Гори оно ясным пламенем

1

– Этот сыр стоит четыреста сорок восемь рублей, – сообщает кассирша. И покачивает упаковку на ладони, будто собирается залепить мне ею в лицо.

– Замечательно. А теперь представьте, что они у меня есть.

Наверное, пора всё-таки купить новую куртку. И само собой, я не стану этого делать.

Ухитрюсь запихнуть все продукты в один пакет. Выхожу на улицу. Навстречу – белый лабрадор в ожерелье из кленовых листьев. За ним – нетвёрдой походкой – хозяин с зеркалкой на шее и блаженным выражением лица.

«Ш-ш-ш!» – тормозят в лужу колёса у меня за плечом.

Ну ёлки! Вытягиваю шею разглядеть штанину.

– Давай в машину! – командует Эрик из распахнувшейся двери.

– Слушай, вот извини, у меня дома куча дел и...

Недолго думая он выскальзывает из ремня, переползает через пассажирское сиденье, выпрыгивает на тротуар, хватает меня за локти и затаскивает внутрь. Блокирует дверь. От-

нимает пакет, ловит выкатившуюся оттуда свёклину, ухмыляется, убирает мои покупки за кресло и поднимает глаза:

– Ага. А Константин у нас где?

– На рабо... – продолжаю тупить я.

– Чудесно! Но что-то я его там совсем не заметил...

И здесь тоже, – машет в сторону нашего дома. – Зато заметил много всякого... интересного. Едем ко мне!

– Эрик, ну чего ты так завёлся... мало ли что там... может, прогулять захотел...

– Костя? Прогулять?! Тогда вообще труба! – Вздохнув, он решительно хватается за рычаг коробки передач.

Но тормозит, едва стартанув:

– Ага! Отследился!

Набирает сообщение, улыбается, отрывается от экрана и снова заводит двигатель.

Протестую:

– Стой! Значит, всё нормально, я пойду?

Не ответив, Эрик резко дёргает головой, будто вычёркивает все мои дальнейшие слова. Разворачивает машину, глянув в заднее стекло, ускоряется, обгоняет фотографа с собакой. Минует ещё два квартала, включает радио и одновременно элегантно входит в поворот. Этот человек и секунды не может усидеть спокойно – кривляется, подпрыгивает, раскачивается на всех без исключения стульях, – а водит так, будто у него полный салон развешанных на струнках стеклянных шаров. Хочешь кого-то понять – ищи эти контрасты.

Полистав частоты, он делает радио громче.

Autumn is here and they're burning the heather

Sheepdogs are running hell for leather

Seasons are changing, time's moving along

Give me a drink and I'll be gone

И подпевает – до нестерпимости похоже.

Я вытаскиваю пятки из слишком тёплых кроссовок и наполовину открываю окно.

Осень уже всю требует цветных карандашей. Шуршать растушёвкой, смешивать разогретые штрихи, вдыхать запах кедровой деревяшки. Но я ими не умею. Фотографировать – тоже. Загораться зато – да. Полыхать. Осыпаться. Проходить через градации оранжевого...

– А в немецком языке время женского рода... – для заправки замечает Эрик.

Кручу эту идею в голове, догоняю новые оттенки смысла:

– Фу...

– Знал, что тебе понравится, – смеётся он.

2

Дома у Эрика всегда заметная чистота – и полный беспорядок. Сочетаются они без проблем. А берётся и то и другое непрерывно из него самого. Вот и сейчас: закрывает холодильник – и тут же выхватывает откуда-то из-за спины оранжевую салфетку и протирает его сверху донизу. А потом, не прекращая болтать о пустяках, принимается за все ближайшие плоскости. Просто электровеник. Найденные по пути предметы небрежно сдвигает кучками: чашки, открывашки, бумажки, флешки. Чёрт ногу сломит. Но не Эрик – проверено: он свободно держит в голове новые локации всех этих вещей.

Подаюсь ближе и просто вцепляюсь ему в запястье:

– Эрик, говори.

Он легко уходит из моего захвата, бросает тряпку на крыло мойки, тянется к спинке стула – за пиджаком. Надевает его, кивком приглашает меня сесть, сам устраивается напротив и смотрит в глаза:

– Сеть напала на Костю.

– То есть? И где он?! Мы уже сорок минут здесь торчим!

Он же выкрутился?

– Ваш двор сегодня был весь в паутине. Невидимой. Ага... Это их режим ЧП, скажем так. А Костя смог, – Эрик указательным пальцем выписывает в воздухе ломаную линию сни-

зу вверх, – уйти из капкана. И выманить сеть в лес. А там уже мои люди помогли.

– Не понимаю. У него же чип! То есть... сеть ведь считает его своим? Или... ну она хотя бы не может ничего сделать против вас, да? Кроме типа укола лёгкой боли...

Закидывает ногу на ногу и чешет в затылке, глядя в сторону:

– Мягко говоря, не лёгкой. Ага... Но не суть. Похоже, твоя ячейка успела стукнуть в ключевой узел. С задержкой по времени... не важно, физика... Вывод: чип теперь ему не поможет. Скорее наоборот.

Жаль, здесь негде пробежать пешком километра три, чтобы поразмыслить. А из квартиры Эрик меня явно не выпустит. Придвигаюсь вместе со стулом ближе к нему.

– А что тогда поможет? И что значит наоборот?! И когда я его увижу?!

Вскидывает локоть – стряхивает рукав взглянуть на часы. И отвечает только на последний вопрос:

– Минут десять. Пойду встречу!

Вскакивает, наклоняется, поднимает с пола скомканную бумажку, бросает её на стол, в два шага покидает кухню – и через пару секунд щёлкает замком.

Я разворачиваю смятый листок: синим фломастером – сложные орнаменты и гирлянды из цветов. Явно Костиной рукой. Разглаживаю бумагу: выбросить жаль. И прикрепляю её к холодильнику. Единственным висящим там магнитом.

Не магнитиком – обычным дуговым магнитом.

Допиваю чай. Хмурюсь, отгоняю морок. Всё же в порядке, пока. Эта квартира как бункер: изолирована всеми их возможными способами. А потом люди Эрика что-то придумают. Выходит, всё это из-за меня... И кажется, если бы Костя скрылся куда-то подальше, не оставался рядом, сеть бы от него отстала. Нет конечно, но...

Вздыхнув, собираю бумажным полотенцем чайную лужицу с глянцевой поверхности стола. В самом деле, никакой передышки! Невозможно просто жить – приходится срочно затирать новые пятна. Пятна плодятся и разрастаются, некоторые – до размеров всего города и больше. Вечно мучаюсь, справлюсь ли с тем, что на себя беру. А хозяина этой квартиры не останавливает даже непрактичность белой мебели.

Ухожу в комнату. В ту, что считается кабинетом. Выключен свет, но штора сдвинута. Уже темнеет. На спинке дивана – плед из верблюжьей шерсти. Сладковатый шлейф парфюма, ставшего таким привычным. Его источник явно хранится здесь. Изучаю книжный шкаф. Куча стареньких немецких обложек, из которых разгадываю только Der Steppenwolf... Герберт Уэллс, разношёрстные детективы... Сонеты Шекспира. Мило. Верчу книжку в руках. Тиснёная обложка, вместо закладки – старая фотка Эрика. В смешном широкоплечем пиджаке из девяностых и даже с ультракороткой стрижкой. В остальном ничего нового: он балансирует на гранитном столбике ограды набережной Фонтанки,

раскинув руки и улыбаясь до ушей.

– Таня!

Костя!

Пихаю фотку обратно, мну уголок, поправляю, втискиваю томик на полку и выбегаю навстречу.

Он делает шаг в дверной проём, наклоняется ко мне, но – будто отпружинив от упругой преграды – крестится обратно и медленно заваливается назад, на руки подоспевшему Эрику. Шепчет: «Не страшно... сейчас всё...» – и отрубается.

Эрик укладывает Костю на пол, закатывает ему рукав джемпера и подсвечивает чип своим сетеуловительным прибором.

Я замедляюсь во времени. Отодвигаю происходящее, расплывчато вижу отливающую золотом поверхность девайса и думаю только о том, что никак не могу привыкнуть: они называют эту штуку козой. Коза – от «короткое замыкание» вроде, только это замыкание имеет слабое отношение к электрическому току. Точнее... Да я ведь даже не попробовала разобраться!

– Подержи! – выдёргивает из анабиоза Эрик. Протягивает козу, шлёпает ладонью по полу: – Сядь сюда.

Нажимает двумя кулаками Косте на запястье. Тот резко выгибается. Прибор у меня в руках пищит и светится. Эрик одними губами ругается трёхэтажно.

Выхватывает из кармана телефон и заверяет меня:

– Исправим!

А потом в трубку:

– Вова, ловишь график?

– Вижу! – отзывается напористый баритон на том конце. –

Замыкайте, не ждите! Я еду!

Эрик обрывает вызов, поднимает Костю, заносит его в комнату и выгружает на диван. Рука – левая, та, в которой чип, – соскальзывает по кожаной обивке и падает на пол. По всему бесчувственному телу снова прокатывается судорога. У меня пересыхает во рту.

– Не трогай его! – предупреждает Эрик, шагает к столу и вытаскивает из ящика провода с двумя датчиками, похожими на электроды кардиографа.

– Да что происходит, ты объяснишь или нет?!

Он прикрепляет «электроды» к запястью Кости и фиксирует их маленькими ремешками. Разъём втыкает в козу. Оказывается, я так и стою вцепившись в неё обеими руками.

– Отойди подальше. Я его подержу, чтоб не дрыгался.

Делаю четыре шага назад. Эрик наклоняется над Костей – вроде хочет навалиться на него всем телом. Но почти сразу отшатывается и просто садится рядом.

Коза тихо щёлкает – срабатывает таймер. Чип под кожей светится и хаотично пляшет. Секунду, две. Выгибается – вот-вот прорвётся насквозь, – замирает и моментом чернеет весь. Эрик поднимает Костину руку с пола, укладывает на диван, отключает датчики, начинает сматывать провода и наконец объясняет хоть что-то:

– Сеть непрерывно обращалась к чипу. А нервная система у нас к этому не приспособлена...

– Когда он очнётся? – не глядя пихаю Эрику козу и бросаюсь к Косте.

Падаю на колени перед диваном, трясусь за плечо. Дыхание ровное, но больше никаких признаков жизни. И волосы влажные на висках, будто у него жар. По шее стекает капелька пота – утыкаюсь в неё носом. В голове у меня гудит.

Слышу, как Эрик уходит к столу и возится с ноутбуком:
– Он не был совсем без сознания. Пока я не выжег чип. Видела? Он же меня оттолкнул – мол, не держать его. Ага! Понял, значит, что происходит.

Не видела. Пульс стучит в животе. Поднимаюсь на ноги и поворачиваюсь к Эрику.

Он указательным пальцем убирает с экрана пылинку и сообщает:

– Костя был в двадцати километрах отсюда, когда пошли атаки! Сеть пробилла защиту. Но он решил, что сможет. Ладно... доехал.

Переводит взгляд на меня – и осекается:

– Танечка... принести воды?

Слышу только слова, не сам вопрос. «Не был совсем без сознания». Какой-то бред. Да и... Здесь ведь всё заэкранировано намного надёжнее, чем в машине, и сеть не может до нас добраться. Зачем тогда выжигать...

В полной тишине кто-то отчётливо открывает ключом

входную дверь.

Я бегом пересекаю комнату и выглядываю в коридор. Из прихожей, спешно стаскивая куртку, надвигается стопроцентный азиат. Ретируюсь в сторону Кости.

Шепчу:

– Там... японец...

– Это мой! – успокаивает Эрик.

– Кореец! – рапортует японец, бросает куртку прямо на пороге комнаты, шагает к нам и ставит на пол медицинский чемоданчик. Жестом подзывает Эрика – вручает ему разобранный штатив для капельницы. Тот хмурится, но с первой попытки соединяет части и придвигает стойку к дивану.

Гость захватывает чайный столик: отправляет на пол стопку книг, тарелку с одиноким апельсином и выкладывает медицинские инструменты и препараты. Я разглядываю флаконы:

– Пропофол, кетамин?! Вы будете оперировать? Прямо здесь? А если понадобится реанимация?!

– Эрик Юрьевич! – обрывает узкоглазый. – Уберите женщину с корабля. И сами – убирайтесь.

И, пока проглотивший язык Эрик медленно открывает рот, это хамло вышвыривает нас обоих в коридор. Пытаюсь увернуться, но успеваю только разглядеть его идеально зашнурованные сапожищи и крикнуть в захлопнувшуюся дверь:

– Хоть бы разулся, доктор Хаус грёбанный!

И пинаю его попавшуюся под ногу куртку. Эрик вздыхает, подбирает её с пола, отряхивает и относит на вешалку.

На кухне он принимается бормотать на отвлечённые темы. Но я припираю к стенке – буквально: оттесняю в закуток между подоконником, стеной и столом.

И атакую вопросами:

– На хрена нужна эта операция, ты же выжег чип? На хрена ты это сделал, квартира ведь экранирована? На хрена ему наркоз, эта штука ведь лежит прямо под кожей?!

Пространства для манёвра локтями нет, но он ухитряется выцепить из внутреннего кармана пиджака телефон. Я его отбираю, без церемоний снимаю блокировку пальцем Эрика, выключаю звук и прячу аппарат за спину.

Он наклоняет голову набок – значит, недоволен. Но всё-таки отвечает:

– Я предполагаю, что сеть может запускать самоуничтожение чипов. Как любых своих частей. Очень редко, но... Мне не нравится динамика сигнала.

– Так вы разве не сами эти чипы... что ли, делаете?

– Ага... Но собираем их из фрагментов сети. – Жестикულიрует прямо у меня перед носом, изображая волны и что-то похожее на втыкание вилки в розетку. – Мёртвый чип токсичен. Надо сразу убирать. Но он срастается с окружающими тканями... И каким-то путём связывается с нервной системой, хотя и не повреждает сами клетки... Таня, не смотри

на меня так! Чипы извлекаются без последствий. Я годами этим занимаюсь.

Резко опускает руки и холодно уточняет:

– Все вопросы?

Понимаю, что почти пробила дно. Но если уж человек выдаёт информацию о чём-то важном, не в моих правилах останавливаться:

– Ты никогда не скажешь, на кого работаешь?

Сканирует взглядом моё лицо сверху вниз и обратно. Оборвёт разговор? Отшутится? Я могла бы ещё спросить, каковы шансы, что Костин чип всё-таки взорвётся и мы взлетим на воздух прямо сейчас. Но будь они велики, он бы вёл себя совсем иначе.

В кабинете начинает звонить и тут же затыкается телефон.

Эрик приподнимает брови, фыркает и кладёт руку мне на плечо:

– Танечка... Я не подневолен. И знаю всяко побольше, чем наниматель. Смогу его опрокинуть, если вдруг что... Но не стремлюсь. Он хотя бы человек.

– То есть...

– То есть – хватит уже это выпытывать. Он человек, обычный. Ага. Без чипа даже. Честное слово.

Я возвращаю телефон прямо в руку, которой он ко мне прикасается. Эрик не глядя кладёт его на стол и выжидающе наклоняет голову. Ну раз можно...

– Слушай, а как тебя вообще во всё это занесло?

Пожимает плечами:

– Я учёный. Хотел докопаться до истины – и докопался.

Отступаю, освободив ему путь.

– По-моему, все твои подковёрные игры очень слабо связаны с теоретической физикой. А мои, – киваю на стену, граничащую с комнатой, – игры, или как это назвать, уж не знаю, и вовсе опасны для жизни. Чужой жизни.

– И что? Не играть? Пустой номер. Не выйдет.

Я многое могу возразить. Но только улыбаюсь в ответ.

Человеку нужно чувствовать себя причастным к общности. И больно быть частью чего-то чужого. Это самый глубокий конфликт, потому что граница размыта. И потому, что размываем её мы сами... С сетью – повезло: есть способ отличать её от нас. Эрик хочет сказать, что не играть в таких условиях – значит просто утонуть в чужой игре. А я – продолжаю улыбаться.

К нам врывается запах антисептика – и кореец входит совсем бесшумно. Не раздумывая открывает нужную дверцу и достаёт чашку. Наливает воды прямо из-под краника фильтра. В два глотка выпивает, ставит чашку, отталкивает её к стене, вынуждая проехаться по столешнице, и поворачивается к нам:

– Нормально. Дрыхнет пока.

И вдруг протягивает мне руку:

– Владимир.

– Ах, значит, теперь ты предлагаешь мне рукопожатие? –

Не реагирую на жест.

Убирает руку и приподнимает бровь:

– Только для виду.

Да уж, он точно настоящий.

– А ты хорош! Меня Таня зовут.

– Поздравляю, Таня: ты притянула к нам сеть. Эрик Юрьевич, до вас не могут дозвониться!

Эрик хватается за телефон, с минуту изучает обстановку и распоряжается:

– Вовка, езжай-ка ты домой. Мигом. Не хватает ещё остальным подсветиться... И будь начеку.

Кореец молча выходит и, повозившись с чемоданом в прихожей, покидает квартиру.

– Что? – спрашиваю я. – Господи, что ещё?!

– А... Сеть теперь меня пингует. Но это ничего.

– Зачем ты отпустил хирурга? Если чипы опасны, надо, получается, удалить и твой?

– Не нужно. Пока защищает экран, я могу отсюда перезаписаться в системе. И сеть перестанет связывать чип со мной. Такая у неё логика, ага!

– Но только... Она, что ли, может следить отдельно за чипами, отдельно за людьми? То есть от тебя самого она ведь не отцепится?

– А вот и разберёмся.

3

Эрик уступил нам свою спальню. Точнее, мне. Потому что оба они вряд ли собираются сегодня спать. Здесь весь день было нараспашку окно – прохладно до сих пор. Странно лежать – будто натянутая пружина изнутри не даёт. Сажусь в кровати, включаю настенный светильник. Всё ещё слишком яркий и непривычный – не сбоку, а над головой. Отворачиваю его в сторону. В пятне света на тумбочке – мои очки. А рядом – крестик, Костина поделка из капельницы. Творил одной рукой и немножко зубами, выплеснув в этот шедевр всё раздражение от ситуации и своей временной частичной беспомощности. Рана будет затягиваться недели две. Потом ему вживят новый чип. Это, вроде бы, почти не травматично.

На улице что-то хлопает. Мало ли, дорожные работы, ветер... Двумя пальцами придвигаю к себе очки и надеваю их. К чёрту. Тянусь к брошенным в изножье кровати джинсам и толстовке. Хоть и в нескольких метрах от людей, хоть и в полностью изолированной от сети квартире, мне до удущья страшно.

Одеваюсь, выключаю свет, выхожу из спальни без звука, на цыпочках делаю пару шагов по коридору. Дверь в кабинет открыта наполовину. Там горит настольная лампа и светится экран ноутбука.

– Выжечь весь сектор к едрене фене... – вполголоса пред-

лагают Костя.

Медленно заглядываю внутрь. Он стоит посреди комнаты, чуть придерживаясь незабинтованной рукой за спинку стула и слегка отклоняясь назад. В восхищении пялюсь, насколько правильным вычерчивается в таком свете его и без того почти классический профиль. Нашариваю в кармане телефон – но отказываюсь от затеи: ничего не получится сейчас такой камерой, да и вспышка...

Эрик балансирует на задних ножках стула, свободно свесив обе руки, будто пытается дотянуться до пола кончиками пальцев:

– Чудесно... Хватит! Довыжигались. Подставим ребят под удар... года на три.

Отшатываюсь в сторону и прячусь, прижимаясь к стене щекой. Кажется, никто не заметил.

– Нет. Токарев рассчитал! Успеем перекрыть нейроимпульс, пока режется сектор.

– Ага! Если врубим все генераторы... А то твой Токарев не знает, что мы на неделю застрянем без энергии потом? И всё равно не успеем! Поверь моему чутью! Явно есть ещё... – голос запинается, Эрик точно выкинул сейчас какой-то кульбит – наклонился под стол или что-то подобное, – фактор. Неизвестный нам. Слишком много странного... Выход только один.

– Выходов полно! – непривычно раздражается Костя. – Вы просто не хотите меня слушать.

– Надёжный – один. Шесть из семи попыток были успешными. У меня всё получится, – уже безо всякой эксцентричности уточняет Эрик. И добавляет, ещё теплее: – Ты хоть понимаешь, что этот засвет может быть не единственной нашей проблемой? Если перестроятся ячейки...

Костя не отступает:

– Попробуем срезать сектор. Я сам. Не получится – неделю продержимся здесь. И тогда уже ваш план. Откроете доступ?

Глухой стук – Эрик, видимо, приземляет передние ножки стула на паркет. И с подчёркнутым любопытством спрашивает:

– Это что выходит? Руководить теперь будешь ты?

Молчание в ответ. Представляю себе, какую пантомиму сейчас выдаёт Костя. Секунд через пять он чётко произносит:

– Нет.

И – тише:

– Эрик Юрьевич...

– А если нет – делай, что я говорю.

Медленные шаги. Не успев понять, чьи и куда они движутся, я скачком на цыпочках пересекаю коридор и возвращаюсь в спальню. Лучше бы никто из них не знал, что я подслушала этот диалог. В некоторых сценах хочется раствориться – видеть их, но не присутствовать внутри. Хотя один-то, скорее всего, меня заметил. Потому что обычно не склонен

так уж опереточно рисоваться. Но он не выдаст, это факт.

В общем, теперь нам угрожает не только сеть, но и какая-то очередная идея Эрика Юрьевича. Поэтому я совершенно спокойно засыпаю.

Двенадцатый час. Отвратительная рань. Утро похоже на скрип ржавой калитки в густом тумане. Эрик жарит мне яичницу. Костя на дальнем краю длинного белого стола сосредоточенно смотрит в экран ноутбука. Между нами – метра два. Отбиваю нервный ритм пальцами по своему плечу. Долго они собираются молчать? Начинаю в такт отстукивать ещё и ногой. Костя слабо улыбается и, не отрываясь от работы, сдаётся:

– Эрик Юрьевич решил сразиться с сетью.

Перестаю шуметь и округляю глаза:

– Э... как супергерой, что ли?

– Именно. Человек-паяц.

Эрик сияет, довольный признанием своих талантов. Нагружает тарелку яичницей, помидорами и хлебом и подсовывает её мне:

– Минут через сорок всё дозарядится. Ребята смогут включить мне на машине максимальный щит. Я вброшу вирус в сеть – он заставит все зацепившие нас лучи собраться в одном месте. Приманим их подальше от города. Вы останетесь здесь. Будьте готовы в любой момент сорваться. Если что, Вовка вас заберёт! Танечка, я добавил его тебе в контак-

ты. Остальных здесь не светить! При любом ЧП звони ему. Понятно?

– Понятно. А можно потом и мне чип вживить? Я же тоже...

Эрик щурится, жестом обрывает мой спич и указывает пальцем на Костю. Тот замечает движение сбоку, поворачивается ко мне:

– Да, – утыкается обратно в ноутбук и добавляет: – Но нет. Разумеется...

– Эрик, а что ты будешь там делать? Ну, подальше от города?

Оба полностью меня игнорируют.

Вздыхаю и без аппетита принимаюсь за еду. Эрик дважды выходит из кухни и возвращается, молча что-то показывает Косте на экране. Дожёвываю последний кусочек яичницы и перехожу к самому вкусному – помидоркам черри. Почему этот день не может быть просто днём помидорок черри, а потом, допустим, и пирожных со взбитыми сливками...

Поднимаюсь и расхаживаю до окна и обратно с чашкой, отхлёбывая на каждом развороте.

– Волноваться не о чем! – реагирует на моё поведение Эрик, опять вернувшийся из коридора. – Ага. Мы это проделывали не раз.

– Да я и не волнуюсь! Это мужчины вечно всё принимают слишком близко к сердцу. У вас великие вопросы в каждом шаге. А у меня вот, знаешь, без всяких мыслей просто сами

по себе ноги дрожат!

– Зачем так уж обобщать? – Эрик разряжает обстановку на свой лад. – Твои мужчины в основном были... э... не слишком реальными.

Догадываюсь, почему он уже не первый раз так бесцеремонно дёргает за эту ниточку. Слишком уж легко я проглотила полное исчезновение собственного прошлого. Куда делись эмоции, неизвестно. Думать об этом какой-то блокирующий слой сознания не даёт. Но Эрик не любит такие бомбы замедленного действия поблизости.

Костя морщится и надевает наушники. Будто это поможет.

– Не все они были нереальными... – отбиваюсь я. – Да хоть Комаров... Три года.

Эрик озадаченно вытягивает губы – наверное, того эпизода не было в досье на меня, – но продолжает троллить:

– Дай угадаю! Ты сбежала к какому-нибудь... – оглядывается на Костю, – очаровашке?

А вот это уже... Во даёт! Но я вхожу в раж:

– К вокалисту, – признаю я, – из любительской рок-группы. А на самом деле мне вообще-то не очень нравятся эти рокеры. Завывают... будто кто-то на ногу наступил. Так что это была глупая затея... Но Комаров... Ну слушай... но он же дурак! Так долго ничего даже не подозревал...

– Сомневаюсь. У него просто хватило ума промолчать, – пожимает плечами Эрик. И снова выходит из кухни.

Наливаю себе ещё чаю и продолжаю расхаживать по периметру.

– И кого ты пытаешься найти? – не выдерживает Костя.

– Думала, что тебя, – выщеживаю сквозь зубы.

И теряю способность подавлять раздражение – подкарауливаю Эрика на пути из коридора, набрасываюсь:

– Почему мы просто не можем подождать? Так ли уж надо сейчас разбираться с сетью? Ты не обязан никуда отсюда выходить! Да хоть год! Может, она отстанет?

Бахает полуденная пушка. Громко – будто прямо под окнами. Эрик отодвигает меня из дверного проёма, кладёт на стол козу и меняет направление провокации:

– То есть смириться? Разве это дело? Это вообще когда-нибудь вариант?

– Иногда просто... просто, что ли, нет выхода... Так или иначе... планету сменить нельзя.

– Но не смириться можно всегда. – Сжимает кулак, выбрасывает из него указательный палец и с размаху приставляет себе к виску.

– Ну... очень трудно решиться, инстинкт самосохранения... И... Всегда кажется, что ещё не всё потеряно...

Костя снимает наушники, отшвыривает их на пол и поднимается из кресла. Будет читать лекции об обратном захвате серотонина, не иначе.

– Ага, – прищуривается Эрик и двигает козу ко мне. – Чудесно. Держи, это твоя. Правда, держи! Константин сам всё

настроил. И кстати, действует не только на сеть. И на обычных людей. И следов не остаётся, ага!

Я сжимаю девайс двумя руками, разглядывая непонятные панельки на поверхности. А он продолжает гнуть тему:

– Так что? Смиряться-то ты не хочешь? Или как?

– Не хочу! То есть... мне... я...

– Эрик, – говорит Костя, не делая ни шагу в нашу сторону, – прекрати это, пожалуйста.

4

Видео с дрона развёрнуто на весь экран двадцатисемидюймового монитора в кабинете. Бурая трава. Поле. Похоже, где-то в южном направлении от города. В нижнем углу – кусочек трассы. И пока ничего не происходит.

Костя оглядывает комнату в поисках точки приложения для своей тяги к трансформации пространства. И находит: один за другим хватая с книжной полки стоящие рядом кубики Рубика, за несколько секунд собирает каждый одной правой рукой, возмущается: «Кто так перемешивает!» – и возвращает на место. Всего шесть штук. Покончив с последним, разворачивает все синей стороной наружу и выстраивает пирамидкой.

Пиликает уведомление. В кадре появляется белый «Ленд Крузер» Эрика. Тормозит у обочины. Фары гаснут. Над полем пролетают две вороны. Я сажусь на краешек дивана и вглядываюсь в картинку издалека.

Эрик удивительно эффективен для человека, принимающего столько решений в единицу времени. Наверное, потому, что он легко позволяет себе ошибаться. Это создаёт некоторое количество проблем, но и поддерживает в нём непредвзятость – к самому себе.

Дверь машины распахивается, и он ступает на землю. Зачем-то ещё и вырядился в камуфляж. Капюшон натянул

до бровей. На лице – какое-то навороченное забрало. Чуть ли не приплясывая направляется вглубь поля.

Всё звенит от подсвечиваемых программой лучей сети. Ясно: это данные прямо с устройства на лице Эрика. Похоже, без шпионских штук паутина по-прежнему невидима. «Это их режим ЧП»... Сеть будто собралась исчертить всё поле.

В зону подтягиваются ещё четыре дрона.

Не решаюсь допрашивать Костю: он напряжённо погружён в наблюдение.

Метров через десять Эрик резко останавливается.

Вытягивает руку перед собой и хватается за ближайший луч. Тот вздрагивает и уплывает выше – подсвеченная полоса у нас на экране. Один из дронов подаёт какой-то сигнал – программа показывает его схематично. Луч плавно движется на этот призыв. Эрик начинает с бешеной скоростью вцепляться во все остальные полосы перед собой. Его лицо кривится: будто обжигается каждый раз.

Но сеть наступает и сзади, и слева, и справа. Весь этот хаос берут на себя три оставшихся дрона – выманивают на периферию кадра. Первый беспилотник продолжает притягивать лучи, «обработанные» Эриком. Они так и висят в одной точке неба, как взлохмаченный сноп. А остальные норовят улизнуть от дронов – быстро соображают, что это помеха. Значит, придётся разобраться и с ними. Сколько всего лучей – внизу экрана есть цифры. Наклоняю очки под углом, чтобы разглядеть отсюда: двести пятьдесят семь!

Похоже, сеть реагирует на чип, который Эрик перепрограммировал, не узнаёт его и теряет интерес, не успев обнаружить, что перед ней сам Эрик. Как она вообще это может определить? Как она различает людей? И почему лучи, наткнувшись на «неподозрительный» теперь чип, впадают в апатию? Ждут перезагрузки, что ли? О боже...

Ясно только, что атаки сзади ничего хорошего сейчас не принесут. Потому дроны там и караулят.

– Что он делает?! – теряю терпение.

– Лучи – примитивные щупальца, – нехотя рассказывает Костя. – Они должны выполнить задачу, передать информацию в высший узел и сгореть. Узел устроен сложнее – может нас раскрыть. Поэтому Эрик перезаписал свой чип на более высокий статус. После контакта с ним лучи будут считать, что уже находятся на связи с узлом.

Расчистив всё поле перед собой, Эрик разворачивается, пошатнувшись, и принимается ловить «бодрые» лучи с другой стороны. Видно, что дроны не могут отгонять их – только притягивать, с большим трудом. И если бы не скорость его реакции... Одной рукой – левой, в которой чип... Вряд ли кто-то другой из нас справился бы с этой задачей.

Наконец поле свободно. Дроны, облепленные лучами, как магниты гвоздями, слетаются в одну точку. Эрик достаёт из кармана складной нож и какой-то плоский предмет, стягивает капюшон, отрезает клоч волос – я громко ахаю, – оборачивает ими эту штуковину, размахивается и подбрасыва-

ет прямо в центр небесной композиции. Нервно усмехаюсь: похоже на шаманский ритуал, а не геройскую битву. Но ясно: задача у них – уничтожить Эрика. Получается, действительно по ДНК. Счастье, что они настолько примитивны.

Он шагает назад, оступается, падает на колени. Я подсакиваю к Косте, становлюсь за спиной. Лучи хаотично и очень медленно оседают на подброшенную приманку. А если он сейчас не успеет скрыться с поля?!

Эрик с усилием приподнимается и на каждом шагу боится себя от падения, выкидывая вперёд растопыренную ладонь. Два луча, отставшие от общей массы, наплывают в его сторону. Медленно. Не успеют! Конечно, не успеют!

Костя не оборачиваясь протягивает мне руку над своим плечом. Из-под манжеты джемпера торчит краешек бинта. Накрываю его пальцы ладонью, стараясь не двигаться.

Добравшись до машины, Эрик резко, с неестественным надрывом, запрыгивает внутрь и захлопывает дверь. Через несколько секунд один из лучей облизывает её всю и поднимается выше.

Через лобовое стекло видно, что Эрик скинул забрало и просто сидит в кресле – пьёт из бумажного кофейного стакана.

– Почему бы ему не убраться оттуда? – раздражаюсь я.

– Двенадцать минут, – тихо отвечает Костя. – Время есть.

Отпускаю его руку.

– До чего?

– Да так... Он не сможет ехать, пока таблетки не подействуют. Шлейф у этой боли ещё сильнее. И заранее ничего не принять: обезболивающее влияет на чип.

Отлично... Я так понимаю, Эрик сейчас выпил ни разу не анальгин. О чём они думали раньше? Не мог кто-то с ним поехать? Я молчу, но Костя затылком считывает все эти вопросы:

– Он приказал никого не светить. В машине есть автопилот... Но мы усилили щит – и это вывело из строя радар. Поздно заметили. Таня, это не ралли «Дакар». Не страшно.

Лучи друг за другом опускаются на «приманку» и искрят. Я начинаю их машинально пересчитывать. На шестнадцатом бросаю и почему-то именно сейчас спрашиваю:

– Слушай... ты действительно полностью не потерял сознание тогда?

Он молчит секунд пять – формулирует:

– Еле удерживал проблески.

– Знаешь, меня это всё сильно... сильно пугают такие вещи. Что на самом деле происходит в такие моменты?

– Сложные физиологические процессы, – тянется к клавиатуре. – Их описание никак не ответит на твой вопрос.

Знал бы он, как меня зато успокаивает его голос... Особенно когда вещает про сложные процессы: я просто впадаю в транс. Жаль только, по-настоящему разговорить такого человека – целое искусство.

Поворачиваюсь к экрану – Эрик машет нам на камеру

дрона и наконец выезжает на дорогу.

Сеть собралась в кучу и мерцает, как смотанная новогодняя гирлянда. Один из лучей наливался алым, набухает и тянет за собой остальные. Дроны разлетаются. Сеть разрастается в огромный грязно-розовый ком, выкатывается вперёд – и взрывается мешаниной дряблых ошмётков. Картинка пропадает. Через несколько секунд возвращается: в пустом поле только пара островков догорающей сухой травы.

Костя что-то набирает на клавиатуре. На экране выстраиваются в мозаику изображения нескольких локаций – пара каких-то незнакомых дворов, наш двор, дом Эрика. Просто схемы, не видео. И везде сеть будто затухает. Только в последнем кадре – прямо там, где мы находимся сейчас, лучи, наоборот, становятся всё активнее.

– Это... – начинаю я.

– Звони Вове. Я переключу щит на дублирующий генератор.

Ёлки, где мой телефон?! Остался в спальне... Бегу туда, ищу его на кровати, возвращаюсь, на ходу набирая номер.

На мониторе уже всё искрит. Визжит тревожный сигнал.

– Вижу, – Владимир отвечает с первого гудка. – Еду.

Костя встаёт из-за стола. Придвигает к себе телефон и обе козы – свою и мою. Пару секунд размышляет, глядя в сторону, роется в выдвижном ящике, извлекает из его глубины две пятитысячные купюры, складывает их гармошкой и добавляет к этой стопке предметов. Молча тянет меня в при-

хожую, накидывает плащ и рассовывает вещи по карманам.

Стою как истукан. Костя одной рукой надевает на меня куртку – напяливая прямо через телефон, который я сжимаю, – и застёгивает молнию:

– Я заэкранировал всё отсюда до арки напротив парадной, там Вова припаркуется. Как выйдем из квартиры – щит включится и продержится пятнадцать минут.

– Не страшно, – говорю, почему-то, я.

Костя только открывает-закрывает рот и кивает.

Засовываю ноги в кроссовки, а телефон – в карман. И – единственным верным продолжением всей этой суеты в ограниченном пространстве – утыкаюсь носом Косте в грудь, под распахнутый плащ, в шероховатую ткань джемпера. Замираю. Он кладёт подбородок мне на макушку.

Что если сеть пробьёт щит прямо сейчас? Пытаюсь представить, но – отпускаю всё. Костя касается ладонью моей спины – и в обрывках дежурной паники распутывается чувство какой-то вселенской полноты. Без разницы, что дальше. Потому что существует этот момент. Разве это не единственный смысл? Моё сердце колотится, его – слегка учащает ритм.

Телефон коротко звонит. Откуда можно было так быстро приехать? Дежурил поблизости?

– Пойдём, пожалуйста.

Мы бегом спускаемся по лестнице с третьего этажа. Серый БМВ лет двадцати от роду припаркован в пяти метрах

от парадной. Открываю переднюю дверь.

– Села назад! – злобно требует Владимир.

– Да я сейчас вообще никуда не поеду! – огрызаюсь в ответ.

– А мне до фонаря! Принцесса нашлась...

Костя молча упаковывает меня на заднее сиденье и устраивается рядом.

Выезжаем из-под арки, набираем скорость. Оглядываюсь – за нами будто осыпается реальность: толпится несколько лучей, видимых отчётливо и меняющих положение в пространстве так быстро, что вся перспектива теряется за ними.

– Что всё это значит? – тихо спрашиваю я.

– После гибели лучей сеть отхлынула к локациям, где Эрик и я, где мы были до этого, – Костя поворачивает лицо ко мне. Левый глаз у него начинает подкашивать к виску – как всегда в моменты, когда повышенная концентрация уже не нужна.

– Но они же, что ли, за нами гонятся?

– Нет. Просто рассеиваются. Это уже не опасно. Но всплеск был неожиданный. И могут быть ещё. Чтобы не тратить энергию, переждём их.

– А что после всплеска? Сеть не заикнется на ком-то из нас опять?

– Нет. Не найдёт противоречий. Это просто судорога из-за массовой гибели лучей.

– Куда мы едем?

– Да так... – покровительственно улыбается. – В бункер.
– Глаза ей завяжи, – невозмутимо выдаёт Владимир.
Весь оставшийся путь я пытаюсь прекратить хихикать.

Думала, будет настоящий подземный бункер где-нибудь в лесу. Но это просто небольшой домик в коттеджном посёлке, на отшибе. Километров сто от города. Костя объяснил, что все материалы, из которых он построен, не пропускают лучи. Но изготавливать их очень сложно.

Внутри сразу с порога одно большое пространство – гостиная. Слева две маленькие дверки и узенькая лестница на второй этаж. Простая сосновая мебель – кухонька в углу, стол, стулья – и гигантский г-образный диван цвета «опаловый зелёный». На подушке – всклокоченный соломенный затылок.

– Эрик! – радостно ору я.

Поворачивается, облокотившись на спинку дивана. Поднимает брови – кажется, искренне удивлён моей реакцией.

Плюхаюсь рядом с ним. Он успел переодеться в чистую неглаженую рубашку, как всегда.

Спрашиваю:

– С тобой всё нормально?

Размашисто кивает.

– Здорово ты их отделал! Особенно тот момент – с принесением волос в жертву...

– Эрик Юрьевич, – перебивает меня Костя, – два всплеска

ждём?

Поднимаю глаза: он добрался до ноутбука.

– Ага, у ребят все прогнозы сходятся. К ночи будем свободны. Самое время нам тут отдохнуть, пообщаться!

Вскакивает и идёт ставить чайник. Кореец вовсю шарится по холодильнику.

Костя достаёт из кармана плаща мою козу и протягивает её мне, а потом наконец этот плащ с себя снимает. Вспоминаю, что и мне надо избавиться от куртки.

Встаю и оглядываюсь. Нахожу на стене у двери очень милую вешалку с крючками в виде деревянных цилиндров со шляпками.

Возвращаюсь, глядя на экранчик своей козы – какие-то колеблющиеся графики. Кружусь на месте – вожу сенсором по сторонам, чтобы понять, меняется ли что-то. Прищурившись, «прицеливаюсь» точно в лицо Владимиру. Он стоя поедает бутерброд с колбасой. Один из графиков на экране выгибается синей параболой вниз.

Эрик вдруг опирается на стол ладонью и перепрыгивает его, загораживая мне обзор. Ничего себе манёвры!

Отбирает козу:

– Таня! Не направляй на своих! Пока не научишься.

– Вообще-то это довольно глупо – засовывать сканер и оружие в один и тот же девайс! – возмущаюсь я.

– Нет. Я работаю с разумными людьми.

– Но в конце концов... Ну... ведь, если что, следов

не останется, так? О чём тут переживать? – веселюсь я, кивая в сторону Владимира.

Эрик три раза проходится взглядом по моему лицу туда-обратно – и очень серьёзно говорит:

– Женщинам потом трудно остановиться. Верить не веришь – они начинают жечь всех подряд.

Не вытерпев его взгляда, я поворачиваюсь к Косте. Тот многозначительно кивает. Владимир откровенно ржёт и хватается за второй бутерброд.

Пока Эрик подталкивает меня обратно к дивану, вспоминаю, что хотела спросить у него уже давно:

– Слушай, а как своих-то от несвоих отличать? Я же не могу среди бела дня сканировать всех твоей волшебной штуковиной.

– А... очень просто! Как он поздоровается – ничего не отвечай. Будет дальше приставать – скорее всего, это сеть. Человек бы отвернулся. А ещё...

Разваливается на диванной подушке, поднимает палец вверх и – выдержав паузу – изрекает:

– Никогда не доверяй тому, кто не умеет открыто ненавидеть!

– И... кто это сказал?

– Кто?! – обижается Эрик. – А сам я что-нибудь сказать, по-твоему, не могу?... Ладно, угадала! Один очень неглупый человек... когда я служил в армии.

– А если просто некого ненавидеть? Или нечего?

– Ага. Ха-ха...

– Ну, то есть, может, это и актуально, что ли, на войне...

– А у нас сейчас что? – большим пальцем Эрик указывает на пейзаж за окном и выразительно наклоняет голову вбок.

Рассматриваю две покрытые ярко-жёлтыми листочками берёзы за стеклом:

– Знаешь... Я всё думаю... Ведь даже если мы в Матрице, то всё равно должна же быть реальность... ну... где-то вне?

Поднимает бровь:

– Скорее всего, там ничего нет.

Пробегаёт взглядом по стенам, останавливается на моём лице и добавляет задумчиво:

– Примерно так, условно: мы в Матрице, но и реальности никакой нет.

Напарываюсь на эти слова будто с разбегу. Почему я воображала, что он предьявит нечто увесистое, способное заземлить? Дыхание перехватывает паникой: будто из тела тянет сбежать – а некуда. Может, опять троллит? Я не хочу сейчас никаких физических теорий. Волнует только одно:

– А зачем тогда всё? Ну зачем? Что мы ищем? И ты чего тогда суетишься?

Спрашиваю – а сама всё глубже проваливаюсь в отчаяние. Жутко.

Костя садится справа. Я поднимаю глаза на Владимира – он опирается задницей на столешницу, барабанит по её краю обеими руками и смотрит на нас, кажется, с живым инте-

ресом. «Тиу-тиу-ти», – сигналит закипевший чайник. Эрик подскакивает с места:

– Хочешь мороженого? У меня тут разное есть... – Роемся в холодильнике. – Ага! Клубничное? Или фисташковое?

– Не знаю... Мне всё равно!

– Всё равно... – откликается эхом. – Это у нас что? Наречие?

– Предикатив, – сообщает мой голос абсолютно без интонации.

Но разум уже нащупывает опору. Вот оно что.

Эрик извлекает из морозилки крем-брюле – как он всегда угадывает? – и протягивает мне.

– Просто слова... – размышляю я. – Откуда в них берётся смысл? Из нас. А мы – в Матрице, за пределами которой ничего нет?

Он энергично кивает:

– Ага! – и откусывает половину глазированной шапки сахарной трубочки.

– Одинок там, – вдруг говорит Владимир. – Вот сеть и припёрлась к нам.

Ухватываюсь за мысль:

– Вот же разница, да? Человеку от реального одиночества не хочется, что ли, бежать к кому-то. Только верить перестать, что люди существуют. Уходишь в себя...

– Да, – неожиданно соглашается Владимир, и подходит ближе: – Ты сидишь на моём месте. Слезай.

– Обойдётся.

Оставшиеся экзистенциальные вопросы повисают в воздухе.

5

Из коттеджа мы втроём вываливаемся за полночь. Владимир застрял внутри: пакует секретную технику. В посёлке никого не видно. Вдалеке перегавкиваются собаки.

Эрик без умолку болтает о средневековом периоде китайской философии. Обгоняет нас, разворачивается, жестикулирует, пятится к машине. Мы с Костей шагаем с крыльца – и прямо перед нами медленно вырисовывается луч сети. Светится, вибрирует и разве что не гудит как провода.

– Ну и ну! – шёпотом восхищается собой Эрик. – Я неправильно вычислил время!

Луч вздрагивает и уплывает резко вверх, в черноту неба, будто никого не заметил. Костя вскидывает козу и толкает меня обратно в дом. Приоткрываю дверь и подглядываю в щель.

– Сколько ещё? – холодно интересуется Костя.

Эрик продолжает пятиться, смотрит наверх, шевелит губами:

– Две с половиной минуты. Да! По-другому промахнуться я не мог.

За спиной у него резко материализуется ещё один луч. Сантиметрах в двадцати. Какого хрена?! Эрик медленно-медленно взмахивает правой рукой – собирается что-то ещё сказать. Я распахиваю дверь, приложив ею Костю,

и прыгиваю с крыльца.

– Идиотка! – орёт сзади Владимир.

Фиг тебе, не догонишь.

Хватаю Эрика за локти:

– В дом! Давай в дом!

Адским пламенем обжигает кисть левой руки. Мой вдох разрывается надвое.

– Стоять! – рявкает Эрик Косте. – Ты без чипа!

Валит меня на каменную дорожку, нащупывает пострадавшую кисть и больно сжимает. Свою левую руку он выкидывает за спину вверх и наугад отлавливает ею луч. Тот переливается, засвечивая мне сетчатку.

Закрываю глаза:

– Извини, я не знала как... и...

– Считай до ста.

– Эрик... – бормочу я в полубреду, – ты... думаешь, ну, внутри головы, думаешь про себя – на родном языке?

– Да, – сдавленно усмехается. – И как на грех, мой родной язык – русский.

Через минуту мы поднимаемся. Рёбра ноют. Ярко лупит фонарь над крыльцом. Не успеваю сделать и шага – Костя замечает рану, резко дёргает мою руку вверх и шипит стоящему на крыльце Владимиру:

– Твою мать, шевелись!

Тот исчезает в доме, мы заходим следом.

– Это же просто ссадина, – удивляюсь я, оценивая

ущерб. – Останется шрам?

– Останется рука! – Костя выхватывает у Владимира флакончик с какой-то присыпкой, обрабатывает участок с содранной кожей.

– Это антисептик?

– Это – чтобы в сеть не засосало! – обнадёживает Эрик.

– Серьёзно? Как в кино про зомби? Ну знаете, мне никогда не нравился этот жанр.

– Мне тоже, – шепчет себе под нос Костя и вертит мою руку в разные стороны, – мне тоже совсем не нравится этот жанр...

Владимир сдёргивает обёртку со стерильного бинта и принимается перевязывать рану.

– И... – снова подаю голос я, – какова вероятность, что мне теперь грозит... кинематографичный исход?

Костя поднимает на меня свои убойные серо-синие глаза и почти совсем натурально отыгрывает искренность:

– Не грозит. Мы обработали рану.

– Примерно два процента, – шепчет Эрик, шагнув вплотную ко мне. – Проскочим! Но если в ближайшие дни у тебя вдруг поднимется температура – сразу звони мне!

Ответная тишина решает немного позвенеть у меня в ушах, по нарастающей прибавляя громкость. Владимир обрывает её вместе с бинтом – и декламирует:

– Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя!

Я нервно хихикаю. И – сразу же – порываюсь заплакать. Не собираюсь этого делать – но, кажется, слёзы сейчас просто потекут, как из сорванного крана. Но всё-таки удаётся поток остановить. Как обычно – просто разозлившись на себя.

Костя касается моего плеча и стремительно удаляется наружу. Я напряжённо смотрю ему вслед.

– А... – оправдывается Эрик, – контрольная проверка периметра, по инструкции, ага!

– Не придуривайся, – шмыгаю я носом.

Он хватает меня скользящим движением через лопатку за плечо и притягивает к себе:

– Даже если ты разочаровалась во мне – зачем сразу самоубиваться?

Верно, надо признать. Он регулярно ошибается в простых расчётах, но я всё-таки не могу реагировать быстрее, соображать яснее, чувствовать реальность лучше. Потолок, который невозможно пробить, чтобы вырваться из плоского Х-хромосомного мира. Не обязательно прощать это себе, главное – вовремя остановиться.

Бормочу в лацкан его пиджака:

– Просто... мы тебе доверяем, но... ты же понимаешь, это не повод тебе верить. И, мне показалось... Мало ли о чём ты не говоришь. Вдруг этот луч мог тебя убить... Ладно, меня просто понесло. А Костя там...

– Собирает гербарий или плетёт гирлянды из листьев, ага.

Ты же знаешь...

До меня наконец доходит, что Эрик реально встревожен.

«Цок!» – громко щёлкает позади. Владимир захлопнул кейс.

6

В ванной у Кости плитка с голубой полосой и белое полотенце – моё. Внутри своих мыслей я места себе не нахожу. Это малодушие – воображать, будто можешь всё предотвратить. И оно было по сути предательством. С какой стороны ни посмотри.

Ставлю на место зубную щётку и выключаю свет над зеркалом.

В комнате Костя читает с телефона лёжа.

Я переминаюсь по краю напольного ковра. Терпеть не могу такие вещи – лишние и неудобные в уходе. Не раздражаться, а стараться найти для них место в картине мира – для меня это настоящая работа над собой.

Пахнет можжевельником, как всегда. И я теперь знаю откуда. Валик для шеи, набитый можжевелевой стружкой. Я почти уже нацелилась похитить его отсюда, но это утратило смысл: бываю здесь не реже, чем дома.

Костя качает головой, не поднимая ресниц:

– Закономерно. Твоя привязанность к пылесосам...

– Ты обижен, это понятно... И... что ли...

– Обижен? Я? – усмехается, скидывает подбородок и совсем экстремально косит левым глазом – радужка откатывается почти к виску. – Как ты себе это представляешь?

Забираюсь в постель:

– Ну... Я могу довести кого угодно.

– И? Нет смысла продолжать пробовать меня.

Он включает музыку – кажется, случайные рекомендации – втыкает зарядку в телефон и кладёт его на прикроватный столик.

*You may think I'm strong
and I can do no wrong...*

Этот голос ни с кем не спутаешь. Почему опять Pet Shop Boys? Будто у любой череды событий есть предначертанный саундтрек...

*...I may be hard to take
but you can't call me fake
'cause I'm vulnerable
so vulnerable
without you*

Я поднимаюсь на подушке:

– Серьёзно? Это у тебя в рекомендациях?

– Да чего там только нет...

– А правда у него голос похож на Эрика? Ну или почти похож... я, ты знаешь, плохо слышу звуковые детали...

– Очень похож... – Костя тянется к телефону. – Выключить?

Переглядываемся – я смеюсь, он нет.

Выдыхаю:

– Если со мной всё-таки что-то случится, запомни: Эрик не виноват. Ладно?

– Не виноват. Ничего с тобой не случится. Даже если...
есть ещё методы.

Явно даёт понять, что тема закрыта.

Сегодня я так и не узнаю, в какие сроки могу превратиться в зомби и что тогда действительно станет делать Эрик...
И почему мне так смешно?

Костя наблюдает за мной и улыбается – ободряюще и нежно. Так, как умеют только мужчины.

Решаюсь:

– Слушай... у тебя была же... ну... какая-то жизнь до...
этого всего?..

– Да так... Работа в больнице, диссертация...

Киваю. Он всё-таки выключает звук и смотрит наверх –
собирается с мыслями:

– Для эксперимента понадобилась контрольная группа...
без патологий щитовидной железы. Туда навязалась моя давняя знакомая, Лера... Она и так постоянно крутилась поблизости. Думал... ну ясно. Я навесил на неё монитор сердечного ритма. И случайно уронил со стеллажа лабораторную колбу, у неё за спиной. А потом посмотрел данные – 70 систол в минуту, ровная линия без скачков. Сказал ей об этом. Она моментально заплакала и стала уверять, что всегда реагирует на стресс с задержкой. Уже странно. А её анализы... в них были несовместимые отклонения, будто кто-то специально кое-где подправил идеальные цифры – для правдоподобия. Потом месяца за три я уже целенаправленно намони-

торил массу других аномалий, у разных людей. И понял, что вокруг что-то происходит...

Умолкает и, не прекращая рассматривать потолок, поверх одеяла кладёт руку мне на живот.

– Разве ты можешь что-то случайно уронить? – удивляюсь я.

Усмехается в сторону:

– Возможно, подсознательно специально. Я расфокусировался.

– Значит, другие врачи тоже что-то замечают?

– Большинству некогда. И... только не пугайся... многие врачи не люди. Вообще это всё не так уж давно началось. Эрик говорит, всего несколько десятилетий.

Я тру себе лоб, размышляя:

– Так и... откуда он сам у тебя нарисовался в итоге?

– Его люди были в закрытом научном комьюнити, где я... поделился своими наблюдениями. Сообщение сразу исчезло, а в личку меня настоятельно попросили о встрече. С ним самим... Сказали, Эрику Юрьевичу нравится наблюдательность. И врачи ему нужны. Правда, он заставил меня заниматься сетью...

– Ты... не сомневался, что стоит с ним связываться?

Улыбается.

– Условия выгодные. И... Эрик сразу погасил мне ипотеку. Не хотел, чтобы висящий долг влиял на мой выбор, работать с ним или нет. Сказал, не стоит благодарности. Про-

зрачная манипуляция. Но, именно когда я так подумал, настороженность загасила это чувство – будто я ему обязан. И на мой выбор оно уже не влияло.

– То есть всё-таки манипуляция, но непрозрачная... – хихикаю я и провожу пальцами по Костиной щеке. – А я вот думаю, что некоторым просто красивые глаза помогают в жизни... Интересно, кстати, кто твои родители?

– Таня... – Он переворачивается на бок, подпирает висок кулаком. – Ты не думала, что ненастоящим может оказаться буквально любой?

Снаружи врывается сирена скорой. Всполохи проблескового маячка из раздёрнутых штор пробегают по нашим лицам. Окна здесь на улицу, никак не могу привыкнуть.

– О...

– Да. Моя мать была ключевым звеном моей ячейки.

Я распахиваю глаза:

– Эрик убил твою мать?

– Нет. Я сам.

Сглатываю. Что здесь скажешь? И леплю невпопад:

– Ты... на неё похож?..

– Ничем. В детстве я несколько раз порывался сбежать к отцу в Москву, но сеть держала: кто-нибудь всегда отлавливал ещё по пути на вокзал.

– Слушай... а как вообще это... твой генетический код – он...

– Всё как обычно. У них есть генетический код. Правда,

с особенностями... Я их не унаследовал. Но это редкая случайность – что я оказался нормальным. Если даже у двух людей может родиться полноценный член сети...

– Офигеть, и что это за хрень... Да что здесь вообще происходит?!

– Ничего нового, в философском смысле. Кровное родство – не особенно значимая вещь. Не страшно.

Он прижимает меня забинтованной рукой – наверное, с расчётом, что я не рискну пошевелиться и сбежать в свою квартиру переваривать новый виток экзистенциального кризиса.

– А знаешь что страшно? – шепчу прямо ему в щёку. – Как я всего этого не чувствовала! От них. Бред какой-то... Очень страшно! Я вспоминаю... Иногда они будто... выключались целиком, будто это не личность... то есть, я понимаю, они и не были, но... тогда-то я не знала. Ладно...

Подаюсь слегка назад. Костя резко бледнеет:

– Таня, их всех уже не существует, ты помнишь?

– Всё, стоп. Прости меня...

Не радуется этот поворот. Не идейно – а потому, что разговор закрутился вокруг моих переживаний. Хотя я поделилась хаосом в мыслях, а Костя – чудовищной историей из прошлого. На которую я не в состоянии правильно отреагировать.

Он закусывает губу.

Осторожно разворачиваюсь к нему спиной. Беру за руку,

трогаю краешек бинта:

– А почему чипы не отторгаются? Они ведь... это частично биологические объекты, да?

– У них по какой-то причине иммунная привилегия. Как у эмбриона...

– Ясно. – Я сминаю подушку плечом, устраиваясь удобнее. – Костя... я просто не знаю, что сказать... это не значит, что мне всё равно.

– Понимаю. Таня, я изучил твоё досье. Оно подробное. Это не совсем то, как ты его себе представляешь. Сеть пишет все пересечения. Я знаю всё. И то, о чём тебе... наверное, больно говорить. И тоже не представляю, как реагировать. Поэтому ты не должна... Таня, всё это в прошлом. У нас теперь есть реальность. Давай, пожалуйста, останемся в ней, хорошо?

– Хорошо. И как тебе только удаётся не терять самообладания? Вообще. Всегда.

Чувствую лопатками, как он набирает полную грудь воздуха и медленно выдыхает:

– Да так... Не терять самообладания – единственный способ действительно нравиться женщинам.

И выключает крошечный светильник в изголовье.

Робот-пылесос путается под ногами уже минут тридцать. Странно, что я до сих пор не придумала ему имя. Утром Костя уехал на работу, а я почему-то не ушла к себе.

Сию искажённо отражаю в пузатой поверхности полированного чайника из нержавейки. Видеть свой нос в профиль – непередаваемая радость: он всё больше выступает вперёд, и в стороны... и везде.

Ноутбук на кухонном столе. Набираю текст. Почти не слеую за мыслью. Надо написать о сюжетах в популярной литературе. Да что я о них знаю... Хорошо, что это никто не станет читать. Просматриваю рыбу:

– в стерильном раю счастья нет, потому что нет сюжета

для сюжета нужен антагонист

даже если он будет неодушевлённым, все конфликты станут одушевлёнными

– нет сюжета = нет событий = ничего нет

есть события – возникает антагонист, потому что есть стремления и, оттого, сопротивление среды

– борьба – это не природа человека, а природа самого времени, т. к. время – это сюжет, т. е. смена событий

На последнем моменте я закатываю глаза.

Дальше – больше. Посторонние измышления обычно ока-

зываются стёртыми с полей моих текстов гораздо быстрее. Но сегодня мне хотелось посмотреть, как они становятся связными словами.

Жизнь вообще, то есть жизнь какого-то абстрактного человека, не может быть коллективной ценностью. Потому что эта отвлечённая хреновенька никому не нужна. Потому что нельзя любить всех. Потому что нельзя полюбить усилием воли или ещё каким-то другим усилием. И потому, что настоящий человек так устроен: он испытывает и симпатию, и неприязнь – и реальности это равновесные. Любимое/нелюбимое – и есть суть каждой личности. А ещё это самая захватывающая тайна мироздания. В самом деле, какой за ней стоит закон? Я – за уважение к этому чутью. В конце концов, никто из нас не знает, что такое жизнь и где мы в действительности находимся. Может, эти чувства – единственная доступная реальность.

Удаляю абзац. Ёлки-палки, попросили же написать о сюжетах...

Что я думаю о сюжетах?.. Сюжеты, сюжеты... Почему здесь так холодно? Дотягиваюсь кончиками пальцев до стоика отопления. Раскалённый.

Ладно... Снова кладу руки на клавиатуру. И выдаю сразу начисто:

Не слишком ли много говорят о нас книжки, прочитанные в глубоком детстве и накрепко прикипевшие внутри?

Так, что уж не вспомнишь сюжет – только чувство пе-

ревернувшегося смысла: незначимости времени, но важности поступков, реакций и жестов. И – как тебя перекинуло из раннего вечера сразу в рассвет.

То что надо. Отвратительно. Продолжу завтра.

Захлопываю ноутбук, тру глаза. Прикасаюсь тыльной стороной ладони ко лбу – сердце решительно срывается в свободное падение. Хорошо, что я знаю, где у Кости хранится градусник. В одном из ящичков комода, полностью занятом всякими медицинскими прибабасами. Правда, в остальных ящичках тоже хранится всё что угодно, только не бельё.

Яростно стряхиваю столбик ртути. Сажусь на кровать. Загоняю холодное стекло под мышку через ворот футболки и, стискивая пальцы, считаю про себя... Сбиваюсь. Пять минут – слишком долго.

Если меня засосёт в сеть – буду ли я помнить хоть что-то от себя реальной?

Тридцать семь и три.

Набираю номер два на быстром дозвоне.

– Эрик... меня кто-нибудь слышит, кроме тебя?

– Доброе утро, Танечка! Нет.

– У меня температура. Небольшая, но ты сказал следить...

Вряд ли, конечно... Но... что будет дальше?

Он не издаёт ни звука секунды три. Потом спокойно и будто снисходительно спрашивает:

– Ты хорошо встряхнула градусник?

– Да.

– Попробуй положить его в холодную воду.

– Эрик. Я всё сделала правильно. Что будет дальше?

– Мой план Б! – оживает. – И гори оно ясным пламенем!

– Сколько у меня... осталось времени?

– У тебя полно времени! Столько же, сколько и раньше! – Бегает по офису и возится, придвигая к себе какой-то тяжёлый предмет по твёрдой поверхности. – А у меня – не очень: надо подготовиться.

Да что с ним такое! Он же никогда не смягчает реальность, говорит как есть. Или вообще ничего не говорит.

Робот-пылесос выкатывается из-под кровати и старательно проходится щёткой по подошвам моих тапочек.

На том конце провода сначала что-то падает, а потом тренькают струны.

– Эрик, алло! Что там у тебя?

– А... балалайка!

– В смысле гитара?

– Обижаешь! Балалайка! – он проваливается куда-то далеко от телефона и начинает наигрывать «Смуглянку» – действительно, на балалайке. Но бросает на полпути и провозглашает в трубку: – Танечка! Готовься, мы отправляемся на бал! Послезавтра! Ага! Уверен, такого ты никогда не видела!

Я хватаюсь за голову.

Если Эрик свихнётся по-настоящему, мы всё равно этого

никогда не заметим. На бал... И зомби-апокалипсис вместо кареты в тыкву.

8

– Женщина в красном! – объявляет Костя, энергично завязывая галстук абсолютно непостижимым узлом. – Обалдеть.

Уже почти свободно шевелит оперированной рукой. И когда этот его костюм успел переехать ко мне в квартиру, интересно? Конечно, шкаф здесь всегда полупустой и в него логично начала вытесняться новая реальность...

Разглядываю себя сзади и одновременно трогаю лоб. Температура у меня спала на второй день, но Эрик сказал, что это может быть ненадолго и не стоит расслабляться.

– Костя, слушай... это платье висело без дела лет пять... Мне оно... уже, может, не по возрасту?

Вижу в зеркале, как он искоса окидывает меня взглядом, качает головой и диагностирует:

- Предменструальный синдром. Не страшно.
- Лечится шоколадками? – воодушевляюсь я.
- Вообще-то нет... Пойдём уже!

И в его интонации, выражении лица и позе – столько обезоруживающей брутальности... Не той, что сносит всё на своём пути, – из какого-нибудь фильма, снятого мужчинами для мужчин. А брутальности, размешанной с приличной долей инь. Такой, какая только и может существовать на границе контакта между нами. Чтобы восприниматься, чтобы откли-

каться, но – отличаться тоже.

А у меня, если совсем уж честно признаться, всегда бы-
ла фоновая потребность делать что-то вроде... стирать пла-
неты с лица Вселенной. И не было человека, который, если
бы уж я дорвалась, действительно смог бы меня остановить.
Кажется, теперь он появился. Вдохновляющее равновесие.
И неизвестность впереди. Главное – не забыть козу.

С усилием запихиваю всё нужное в маленькую сумочку.

– Так... Эрик мне ничего не рассказал. Куда мы идём?
Не развлекаться же?

– Отчётное мероприятие благотворительного фонда
«Мост спасения». На деле это ключевая ячейка всей сети
на нашей территории.

– О... а... какой нашей?

– Российской Федерации. Не страшно. Мы хорошо подго-
товились.

И направляется к выходу из квартиры.

– Костя! Стой. Подготовились к чему?!

– К плану Б. Мы опаздываем. Пойдём, пожалуйста.

Из машины Эрика мы выпадаем прямо в холл. Шикарный
отель в самом центре – с чёрными мраморными колоннами,
светильниками из дворца, огромными картинами, расписан-
ным потолком и растениями в позолоченных кадках.

– Пе-трос... – читает по слогам девушка на ресепшен. –

А, вы от армянского культурного центра?

– Петерс! – возмущается Эрик. – Я что – похож на армянина?

И под извиняющееся бляенье в ответ мы целеустремлённо движемся к лифту.

В ресторане – множество столов, диванов, неизвестно куда ведущих изящно декорированных дверей и оживлённых людей с торжественными лицами. Прищуриваюсь. Очки к платью не идут, а линзы я так ни разу и не пробовала носить. Напротив входа – изогнутый поп-ап-стенд с логотипом: рука сжимает каменный мост. Будто собирается его выкручивать, как мокрую простыню. В глубине зала стоит какая-то античная статуя. Пялюсь на неё и пытаюсь почесать себе ухо. Костя хватает меня за локоть и не отпускает.

Эрик приглашает нас за столик.

– Танцы-то будут? – спрашиваю у него. – Это же бал? Я хочу танцы.

Поднимаю с тарелки скрученную сервировочную салфетку, верчу её между пальцами и бросаю на край стола.

– Будут, – подмигивает Эрик. – Я уж устрою.

На небольшую сцену у противоположной стены зала выходит высоченный мужик. На экран позади него транслируется презентация достижений «Моста спасения». Возрастающие графики и слова, которые мне отсюда не прочитать. Мужик назидательно размахивает ручищами и проповедует о миллионах и миллиардах.

Официанты разносят по залу закуски. Я принимаюсь за салат – какой-то рыбный. Костя молча раскладывает салфетку у меня на коленях. Чёрт, надеюсь, я правильно держу вилку или что там ещё надо делать...

Страстную речь спикера временами прорезают синхронные аплодисменты.

Публика ведёт себя довольно жутко: дежурно улыбается, жуёт, перекидывается парой слов. Никто оживлённо не беседует друг с другом.

В голову лезут навязчивые мысли: так ли вели себя все те, кого я знала и кто оказался *ими*. Они даже не перемещаются по залу, ни один. Да ну на фиг!

Отодвигаю тарелку, поднимаюсь, роняю салфетку и озираюсь в поисках выхода.

– Вернёшься через десять минут! Или я мигом тебя отправлю в офис к Вовке! – реагирует на моё настроение Эрик.

Между столиками пробираюсь в коридор.

За мраморным поворотом нахожу туалет. Над прямоугольной раковиной долго держу ладони под льющейся водой. Свежая рана неестественно быстро зажила. Что-то недоговаривает Эрик о своих снадобьях. На тыльной стороне кисти уже созревший шрам – очертаниями как Индийский полуостров. Смотрюсь в зеркало, стираю крошки туши со щеки.

Что будет с ними, если план провалится и меня засосёт в сеть? Неужели я не смогу что-нибудь сделать оттуда?

Неужели я исчезну как личность? За два дня ничего от них не добила, кроме «всё будет хорошо». Только Владимир вчера прислал сообщение: «Допрыгаешься – не надейся, что кто-то зайдёт следом. Я не дам». Что бы он ни имел в виду, это звучит как утешение. Кто-то с трезвой головой позаботится о тех, кому я подпортила жизнь своим безрассудством.

Костя... Вчерашняя ночь... В самом деле, как ему только хватает самообладания?! Буду ли я помнить хотя бы это?..
Господи...

Дышу глубоко. Убираю руки. Вода перестаёт. Из крана падает увесистая капля.

Выныриваю обратно наружу.

Почти у входа в ресторан меня догоняет женщина лет пятидесяти:

– Добрый вечер! Вы новенькая? У вас такое приятное лицо! Не хотите присоединиться к моему проекту? Нам не хватает рук для рекорда по сборам! И вся помощь – только самым маленьким деткам! Вы же понимаете, как это важно? Понимаете?

Кончики пальцев у меня становятся раскалёнными, а ладони покалывает.

– Увы. Я просто пришла с друзьями...

Женщина поправляет чёрное кружевное болеро и растягивает губы в широченной улыбке.

В проёме вырисовывается Эрик, хватая меня за локоть и без комментариев волочёт за стол.

Там я рассматриваю узор на розовой скатерти и пытаюсь вспомнить, как он называется.

На сцене появляется некто в белой рубашке в двойную вертикальную полоску – золотисто-бежевую. Берёт гитару, перекидывает ремень через голову и начинает наигрывать Imagine и петь...

– Таня! – откуда-то издали тормозит меня Костя.

Never mind. Или как это по-русски...

– Вот чёрт! – прямо в ухо кипятится Эрик. – Таня, выйди из транса!

Нет сил ничего ответить.

Костя, кажется, кладёт на стол планшет – голова у меня не поворачивается – и говорит:

– Поле два эйч. Их слишком много. Мне не пересчитать защитную сетку.

– Я исправлю, – Эрик наполовину проваливается под стол, возится с полминуты и шёпотом сообщает оттуда:

– Шиш вам!

Выпрыгивает обратно, сияет и заталкивает козу в карман.

Я вдруг вспоминаю, что могу не вписаться в дедлайн по последнему рабочему заказу. Пальцы становятся ледяными.

Камчатная скатерть – вот как называется эта ткань с узорами.

– Просто нажимаешь правую верхнюю панель, два раза, – трясёт меня за плечо Эрик. – Из сумки козу не вынимай,

ага! Если слышишь «помогите», «войдите в моё положение», «понимаете?» – нажимаешь правую верхнюю панель два раза. Всё.

Как, оказывается, просто. Как просто решается моя вечная проблема. Не надо тратить столько сил – только нажать кнопку. Два раза.

После торжественной части гости начинают понемногу рассредоточиваться. На фоне играет навязчивый джаз. Эрик бегаёт по залу, жмёт руки, подсаживается за столики и с каждым собеседником махом хлопает по рюмке. От этого зрелища меня начинает подташнивать – из солидарности.

– Он в своём уме? – спрашиваю у Кости.

Тот не отвечает, но бросает выкладывать из зубочисток замысловатую звезду, берёт меня за руку и отворачивается.

Где-то после седьмого диалога Эрик танцующей походкой возвращается к нам, придерживается за спинку стула и весело предлагает:

– Пойдёмте на балкон!

По дороге Костя зачем-то останавливается у крайнего, безлюдного, столика. Я иду по пятам за Эриком, чтобы не потерять его. На балконе очень холодно и никого, кроме нас, нет. Плетёные кресла, открыточный вид.

– Так... – говорит он, хватаясь за решётку, увешанную пустыми цветочными вазонами, – информацию я собрал.

И вроде бы теперь... это... но не совсем...

Костя догоняет нас и суёт мне в руки ведёрко со льдом из-под шампанского. Выгребаёт оттуда несколько кубиков – в каждом заморожен крошечный розовый бутон. Оглядывается. Разворачивает Эрика к себе и – без предисловий, но прочувствованно – хватает за волосы и растирает ему щёки льдом. Выбрасывает остатки за решётку балкона. Спрашивает совершенно спокойно:

– Лучше? Или тебя тряхануть как следует?

Эрик не пытается сопротивляться вообще. А под конец – выглядит абсолютно безмятежно. Капли воды скатываются с подбородка и впитываются в голубую рубашку.

– Не-не, нормально... Ага!

Утирается тыльной стороной ладони. Роемся в кармане. Добывает ключ от машины, впихивает его Косте. И поворачивается ко мне:

– Танечка... Так вот... Ты ведь поняла? Добро захватывает мир! Ага... Говорят, кстати, оно победит. Тогда нам конец. Я должен тебе кое-что сказать...

– Незачем... – пытается перебить Костя, но Эрик останавливает его лихим взмахом руки, или, скорее, взмахом всего корпуса:

– Знаю... но должен. Если я отменю план, Таня, тебе на деле ничего не грозит. Просто подключится сеть. И перейдёшь на ту сторону. Это совсем не то же самое... Верить не веришь, но ты ничего не забудешь. Просто появятся... до-

бавочные органы чувств. Интересно даже, ага! Ты же хотела чип? А это ещё круче! Они никого не трогают. Если играть по их правилам. И вы сможете с Костей... всё так же. Я всё устрою. Предполагаю, вы сможете даже влиять на саму сеть и... Да и почему мы решили, что именно они неправильные, а не мы?

Я швыряю ведёрко на ближайший столик. Оставшийся лёд подпрыгивает и с шорохом осыпается обратно.

Костя накидывает мне на спину свой пиджак. Тяжёлый.

Выдыхаю:

– Эрик, давай протрезвей уже совсем!

Он хмурится:

– М...

– Ты сам себе противоречишь. Если мы станем ими – нам конец. Как ты сразу и сказал.

– Танечка...

– Я – не перейду на ту сторону. Если это вообще надо проносить вслух. Что нам нужно делать?

Кивает:

– Я уничтожу сеть. Сейчас. И ты... так и знал, что...

– Эрик Юрьевич, хватит! – перебивает Костя. – Рулите кораблём! Пожалуйста. У нас мало времени.

Мы сидим в пустой переговорной комнате этажом ниже ресторана. Реализуем план. Большинство присутствующих в здании сейчас – не люди. В отеле сняли номера в основном члены правления фонда, приехавшие в город на время мероприятия. Но какое-то количество обслуживающего персонала, приглашённых гостей и рядовых сотрудников «Моста спасения» – обычные люди. Фонд построен как секта – засасывает всех. И многих трансформировало в сеть. Выбраться почти нереально: душу перетряхнут так, что к прежней жизни не вернёшься. А внутри – невозможно оставаться собой, даже если не затянет совсем. Конфликты и негативные эмоции здесь полностью запрещены. «Гуманистический концлагерь» – так называет эту систему Эрик. Откуда его в лицо знают многие из фонда и зачем он на самом деле пил с ними водку, я предпочитаю не спрашивать.

Сейчас он спасает людей из здания – разослал большинству фейковые уведомления о каких-то неотложных делах. Некоторые даже от имени правления «Моста». Выманить наружу удалось почти всех. Кроме тех, кто отключил телефон. Ими мы сейчас и займёмся.

– Осталось... Так, здесь три женщины. Ладно, их я беру на себя. И... съёмочная группа с телевидения. Во! – Эрик разворачивает экран планшета к нам. – Костя, разберёшься?

Двое в коридоре, около чёрной мраморной колонны. Оператор регулирует штатив. Второго камера наблюдения, видео с которой мы сейчас смотрим, показывает спиной. И вся его фигура, осанка, манера гладить себя по затылку, слушающая собеседника... Другого такого быть не может. Если бы не плешь... Но... если мне сорок один, то и ему тоже. А значит, у него уже вполне может быть плешь... Точно!

– Это Комаров! – детектирую я.

Мне отвечают одновременно:

– А, который дурак? – говорит Костя.

– Чудесно! – говорит Эрик. – Иди к нему. Догоню через минуту.

Вылетаю за дверь в радости. Ещё бы! Почти единственный реальный человек из прошлого. Рядом лестница – взмываю по гладким ступенькам. Два пролёта. Пять шагов.

– Серёжа!

Он оборачивается медленно, постепенно начинает верить ушам – расплывается в улыбке и набрасывается меня обнять:

– Танька! Ух ты! Танька! Откуда ты здесь?

И стискивает до хруста в позвоночнике.

– Не-не, не бойся, – натужно пишу, – я не из этих...

Наконец отпускает. Показывает на оператора:

– Это Андрюха. Мастер заднего плана... – смеётся. – Кстати... так и не сказал тебе: я же вспомнил Гусева! Он всё приговаривал: «Алё, приём!» И у него ещё родинка такая на подбородке была, на паука похожая! Но странно, что...

Вот только этого нам не хватало... Оглядываюсь – Эрик успел подойти и, судя по азарту в глазах, всё слышал.

– Сергей, да? – приветствует он и хватается Комарова за плечо. – Отпусти оператора домой, у меня есть для тебя дело.

Серёжка раза три переводит взгляд с меня на Эрика. Мы не виделись лет двадцать, но его мысли я читаю без труда: недоумеваает, с чего вдруг этот нетрезвый человек командует посторонними. Но решает, раз уж я с Эриком, выдать ему доверия авансом.

А вслух говорит:

– Нам сегодня ещё репортаж готовить...

– Да что там готовить! – встречаю я. – Вы все эти дурацкие банкеты пускаете только в утренний эфир! Времени вагон.

– Не знаю, что у вас происходит, – подаёт голос Андрей. – Но я как раз успел бы заехать переснять... то, о чём утром говорили.

– Ладно, – сдаётся Комаров. – Я тут ненадолго.

Прошагав обратный путь в скомканных чувствах, я прямо с порога переговоров огорошиваю Костю:

– Вот! Это Серёжа. И он помнит Гусева. Но без бороды!

– Оу! – выразительно артикулирует Костя, складывает руки на груди и откидывается на спинку стула.

Кажется, понимаю. Это значит, что он был прав: идея сразиться с лучами врукопашную оказалась в итоге провальной.

Но Эрика это не волнует – он пытается впечатлить Кома-

рова:

– У меня для тебя будет кое-что поинтереснее благотворительных банкетов. Ага! Событие с шикарным видеорядом.

– Ну супер! И как я это сниму без Андрюхи?

– Камера армейского дрона тебя устроит?

– Идёт. А что будет-то?

Костя ставит локти на стол и обхватывает голову руками.

Я окапываюсь в ближайшем кресле.

– Мы сожжём здание! – хвастается Эрик.

– Это же памятник архитектуры! – протестует Комаров.

– А зачем – тебя не интересует? Ха-ха. Нет, не это – вон тот павильон. – Показывает пальцем в окно, выходящее во двор. – Ладно, я пошёл, у нас ещё три человека затесались здесь. Ага. Костя, запускай таймер на полчаса. Через десять минут жди меня в ресторане. А вы двое сидите пока здесь.

Его шаги пружинят по паркету. Дверь плавно закрывается.

Я смотрю на Комарова, тот – на Костю. Спрашивает:

– Ребят, что у вас тут творится?

Костя вздыхает, а я – нахожу слова:

– Помнишь, ты ведь тоже говорил, что некоторые люди будто ненастоящие? Оказалось, они реально ненастоящие. И мы собрались с ними покончить. Я не успею тебе сейчас наглядно ничего доказать, поэтому... можешь мне поверить?

– Конечно, я верю, – без тени скепсиса произносит Кома-

ров. – А чем я должен вам помочь?

– Ничем. Мой шеф – провокатор. – Костя встаёт из-за стола. – Но раз уж ты здесь – последи пока, чтобы Таня не бросилась... ты знаешь: спасти кого-нибудь.

Отматываю четвёртый круг по периметру комнаты. Комаров тупо тарашится на стены. Что ли, он действительно дурак? Хоть бы выпрашивать начал...

– Я так поняла... они собираются какой-то вирус в сеть запустить. Ну, там система этих монстров – она как сеть. Это вынудит их всех собраться в том павильончике... Людям ничего не угрожает, но мы на всякий случай убрали их отсюда. Кстати, если видишь вдруг луч – ну, такой, как полоса света... держись от него подальше. Блин, наверное, тебе кажется, что мы все не в себе? Тебя ничего не удивляет?!

– Уже забыла? Журналисты не удивляются, а ищут, как подать сюжет. «Мощный пожар разгорелся на Невском проспекте. По предварительным данным, пострадавших среди людей нет».

Как же я по нему скучала, господи. И даже не догадывалась об этом!

Вот так, точно так он улыбался, когда сказал, что в кино мы всё равно пойдём. Хоть и расстаёмся. Напрочь не помню, что это был за фильм. Но было так тепло, что потом, в метро, я чуть было не поехала с ним до нашей остановки и не вернулась опять туда – домой. А напоследок Серёжка

нашёл способ подать сюжет: «Не выдумывай. Ничего не закончилось, Тань. Такие вещи не заканчиваются».

Подхожу ближе к нему. Морщины – надо же, я только сейчас заметила. К вискам и вниз – мягкими заломами в щёки. И щёки. Они стали шире. А он ведь тоже – смотрит на меня. Жесть. Поправляю причёску.

– Слушай, ты же... заранее знал тогда, что я, с ним уже... Почему не говорил ничего?

Он приподнимает подбородок и слабо кивает:

– Не хотелось собачиться.

– Но можно же было просто уйти?

Пожимает плечами:

– Не хотелось уходить.

Эрик прав: он не дурак. Непонятно даже, что такой здравомыслящий человек хоть сколько-то интересного мог найти в моей ветреной башке.

– Знаешь, я... как всегда... Ни разу не расспросила, как ты. Ну... в личной жизни... Всё ведь в порядке теперь, да?

– Э... Тань, ты не поверишь! Моя жена ушла к музыканту!

А вот сейчас я точно рассмеюсь. Но и он – улыбается всё шире.

– Боже, Серёжа... Давай, если сейчас не начнётся конец света... Да и даже если начнётся... Приходи ко мне в субботу! Ну, к нам... И Эрик ещё будет. Пожалуйста, приходи!

Кошмар. «Пожалуйста», – передразниваю себя про себя. Разговариваю как Костя.

– Значит, из них двоих – всё-таки не блондин? – окончательно расслабляется он.

– Нет. Блондина у меня так ни разу и не было... Ты придёшь?

– Конечно, Таня, я приду! Обязательно.

Мне хотелось пить, и Эрик разрешил выйти в ресторан. И тут же выяснил, что наш план сработал не полностью: не все гости стягиваются в павильон – некоторые бродят по отелю. Маленькая проблема, как всегда. Но выглядит он сам максимально беззаботно: поигрывает козой, облокотившись о крышку рояля.

Я хватаю с ближайшего стола бутылку минералки и объявляю здесь свободную от этикета зону: глотаю прямо из горлышка.

В дверь закатываются два увесистых колобка в тёмных костюмах – один побольше, другой поменьше.

– Эрик Юргенович! – восклицает более крупный. – Как и обещал, хочу вас представить...

– Моё почтение! – говорит Эрик, отвешивает размашистый поклон и без паузы сжигает обоих дотла.

Обращается к Косте:

– Ну всё! Десять минут тебе поймать третьего, я в переговорку. Таня... ай, ладно! – отмахивается и оставляет меня в покое.

Заглядываю Косте через плечо: он нацеливает козу на входящего в дальнюю дверь молодого парня. Экран наполняется неопределёнными данными.

– Это вроде человек же? – шепчу я. Опыта расшифровать послания этой штуки у меня пока маловато.

– Укушенный сетью. Процесс зашёл далеко.

– Ты уверен?

– Да.

Уничтожает его короткой вспышкой. И – направляет сенсор на меня.

Ясно. Процесс зашёл далеко... Холодеет внутри.

Делаю шаг назад – убежать? Нельзя. Так нельзя! Сновадвигаюсь вперёд – раскинув руки.

– А у тебя – никаких признаков. – Костя отрывается от экранчика козы, ловит мой взгляд и хрипло спрашивает:

– Таня, я напугал тебя?

В смятении бросаюсь к нему:

– Нет, нет... Это у меня в голове, извини! Боже, что у меня в голове?! Что значит «нет признаков»?

– Они были бы уже вчера. Значит, тебя не зацепило сетью. Зомби-сценарий отменяется.

– А... откуда тогда температура? На простуду не похоже.

– Да так... Я же говорил, предменструальный синдром. Бывает. Ты раньше просто не обращала внимания.

– Не понимаю! Почему Эрик не мог подождать, если это так легко выяснить?! Да даже здесь всё можно было отме-

нить! Он мог проверить меня вчера, он мог проверить меня два часа назад! Но вместо этого... взорвёт всю сеть из-за моего ПМС?! Ему адреналина не хватает? Ну а ты? Почему только сейчас?! Или... или это он проверил меня два часа назад – тогда, под стол когда залез?..

– Он поле заблокировал. Потому что тебя почти унесло. В благодать. А сеть – Эрика накрыло окситоцином.

– Окситоцином?! Это вроде про любовь...

Коротко кивает.

– И повышает агрессию к чужим. Просто надоело терпеть. И мне тоже. Он прав. Твой Комаров помнит Гусева без бороды. Мы слишком много наломали дров. Распутывать бесполезно. Пойдём.

– Подожди! Куда торопиться, мы же поймали всех, а Эрик и без нас знает, что дальше делать! Скажи, но всё-таки... на кого он работает?

Костя крадёт с ближайшего стола ставший уже ненавистным мне за этот вечер предмет – сервировочную салфетку. Разворачивает её и принимается скручивать в длинную трубу.

– Версий не так много. Думаю, на себя.

– То есть? Он что, руководит всем вообще в масштабах...
Э...

– Более или менее международных.

– Слушай... но он же... Борщ варит! Дурака валяет! И ещё под нос себе напевает, слышал? И кстати, хвастался,

что может опрокинуть кого-то там... Кого, если... Он, между прочим, сказал, что это человек!

– Как вариант: внутренняя борьба мотивов.

Костя смыкает края матерчатой трубы, проделывает ещё пару манипуляций с ней и вручает мне результат – белую розу с двумя лепестками. Я на автомате прячу её в сумочку.

Уходим из ресторана, и уже в коридоре я ворчу:

– Но он же сказал «честное слово»! «Честное слово, у него даже нет чипа»!

Костя останавливается и берёт меня за обе руки:

– А ещё – окситоцин заставляет врать. На благо группы. Особенно когда ты за неё отвечаешь.

– Господи... Мы что – полностью управляемся этими грёбаными гормонами? Это, пожалуй, похуже, чем Матрица без краёв...

– Нет. Совершенно точно мы не полностью ими управляемся. Меня как раз больше всего интересовал этот вопрос. Я видел достаточно. Основное – не они. Но и забывать о них не надо.

– А что... основное?

Вот всегда так. Не успеешь порадоваться, что увело от какой-то беды, как уже снова пытаешься докопаться до сути – и покоя нет.

– Ближе к ответу физика. Но для меня это слишком сложно. Так что – придётся нам вернуться к Эрику.

За окном переговорной в небе висит дрон и мечет молнии. Костя мгновенно прилипает к ноутбуку.

– Где вас носило? Сейчас как жахнет! – оповещает Эрик и флегматично интересуется у Комарова: – Кстати, ты как – помнишь Гусева? Однокурсника вашего.

Оба они стоят у окна. Эрик держится за подоконник и раскачивается на пятках. Комаров трёт кулаком затылок.

– А не должен, да? – догадывается Серёжка. – Но помню. И... он будто с бородой теперь. А был без...

– Чудесно! Уникум. Придётся тебя к нам на работу брать! Я протискиваюсь между ними. Наблюдаю, как за стёклами павильончика-кофейни разгорается пожар. Рядом кружат два дрона. И внутри будто никого нет.

– Там у меня о-о-очень большая коза, – замечает моё недоумение Эрик. – Всех уже дезинтегрировал. Надо дожечь нити, чтобы наверняка.

Один из беспилотников вырезает дыру в окне постройки – кажется, прямо пропеллером, будто консервным ножом. И заваливается внутрь. Через секунду пламя охватывает всё внутри, а ещё через несколько мгновений дрон вылетает обратно. Наверное, сгонял за эффектными кадрами.

– Сеть на девяносто девять процентов не определяется, – сообщает Костя. – А в ресторане отличная акустика на потолке, но из окон ничего не видно. Так что... здесь есть колонки... Таня, ты же хотела танцы?

– Что ж... – решаю я. – Тогда деваться некуда! Врубай It's

a Sin!

Он возится с аппаратурой. На всякий случай интересуюсь у Эрика:

– Мы не спалим весь город?

– Не должны. Выждем, чтобы прогорело как следует. Ага. Сеть живуча. Через пару минут вызову пожарный расчёт. Красивый будет репортаж! – кивает Комарову.

– Однако кадры с беспилотника мне придётся как-то объяснить... – озадачивается тот.

– Не бери в голову, я сам всё объясню твоему шефу. Мало ли случайных дронов летает по городу. Моих случайных дронов...

Со всех сторон подкрадывается знакомый органнй проигрыш.

Столб огня прорывается через крышу павильона. Отсветы пляшут в темнеющем небе.

Костя пытается засучить рукава. Запонка отлетает и прыгает по полу. Эрик тянется её поднять, опускает глаза и улыбается:

– Запущу-ка я фейерверк, чего добру пропадать. И картинка будет поэфффектнее, ага!

Кладёт запонку на стол и скрывается за дверью. Фейерверк! И ни души в отеле. Действительно, как он собирается всё это объяснять телевизионщикам? И ведь придумает что-то!

Костя просветляется лицом – а глаза лихорадочно бле-

стят. Наверное, так он обычно выглядел лет в пятнадцать. Жаль, что мы не были тогда знакомы. Хотя нет. Всё бы пошло не так.

Протягивает мне руку и вовлекает в движение по спирали. Отвыкла – выходит рвано и невпопад.

*At school they taught me how to be
so pure in thought and word and deed
They didn't quite succeed
For everything I long to do
no matter when or where or who
has one thing in common too
It's a, it's a, it's a, it's a sin
It's a sin*

Каблуки скользят по лакированному паркету, но тело в конце концов ловит ритм. Комаров сидит на подоконнике с планшетом на коленях и набирает текст.

Снаружи надывается пожарная сирена. И – красным, оранжевым, жёлтым – расходятся мощные грозди салюта. Не знаю, как теперь переписалось прошлое. И сколько ещё таких эпизодов впереди. И что останется от города в конце концов. Но за нас я теперь спокойна.

Эпилог

В прихожей многовато обуви. И дома у меня явно готовится еда. Защёлкиваю замок, раздеваюсь наспех и двигаюсь на запах кипящего бульона.

– Если в начале истории были овощи, то в конце они должны выстрелить. Ага! Иначе грош цена всему, – сообщает Эрик, любовно орудуя половником.

Я оглядываюсь в поисках Кости. Казалось, после разгрома сети настанет продолжительный отпуск. Но они опять проторчали в офисе всю ночь.

– Да, суженый твой вырубился. Просил разбудить его... – сдвигает манжету зубами и смотрит на часы. – Вот, через двадцать минут...

– А ты – спать вообще не собираешься, что ли? Ну просто Обломов и Штольц, иллюстрация!

– Ха-ха! Однажды он так и сказал.

И добавляет тише, мельком глянув на меня:

– Ну как там Комаров?

Отпираться бесполезно. Суббота субботой, но я не могла не поговорить для начала с Серёжей наедине и без пожара за окном.

Вылавливаю яблоко из вазы с фруктами. Да, здесь появились не только выходные костюмы в шкафу, но и ваза с фруктами – потому что они полезные. Не могу же я спорить с док-

тором в таких вопросах...

– Ох... Ну представь... ты не видел человека лет двадцать, а потом приходишь к нему в дом, и он такой: «Садись в своё кресло». А ты впервые в этой квартире, и все кресла там новые... Но ты чётко понимаешь, какое из них – твоё.

– Ха-ха... Или – вы знакомы два часа, а он говорит: «Садитесь в своё кресло».

Эрик выключает газ под кастрюлей и принимается выгружать в посудомойку накопившийся в процессе подготовки инвентарь. Я атакую яблоко, начав с более зелёного бока, и смеюсь:

– Да ну... это уж слишком!

Качает головой, я приподнимаю бровь. Он споласкивает руки под краном, усмехается в потолок. Кивает на комнату и передразнивает Костину манеру речи: «Я как раз купил стулья попрочнее, один будет ваш».

Кажется, у меня внутри сейчас кто-то наполняет горячей водой грелку размером со всю меня. Даже не знаю, как называется это чувство. Может, происки пробудившейся сети...

Кстати об этом.

– А ещё, Эрик... Серёжка помнит Гусева. И с бородой, и без. У него прям калейдоскоп из Гусевых в голове!

Хохочет:

– Журналисты, что с них возьмёшь!

– Он вообще теперь помнит всё. Мне кажется, больше меня даже... И так спокойно это принимает...

– Ничего не поделаешь, связь между вами я стереть не могу. Верить не верить, а он именно из-за этого всё помнит.

– А ты – помнишь ещё больше, да?

Опускает белёсые ресницы. И выдыхает коротко – самая первая нотка смеха.

– Помню или нет – одно тебе обещаю: никто из вас всех ни в одном витке событий не изменяет себе. Других не держу.

Встречается со мной взглядом – или он гениальный актёр, или это всё-таки правда. Но вопросы всё равно остаются:

– Никак не могу понять, почему людей не стало в два раза меньше! Мы же выжгли всю сеть. Только скажи честно!

– Потому что переписалась вся история. В каждой секунде прошлого зашита возможность наделать сколько хочешь новых людей. И эта шарманка мне уже поднадоела, эх... И потому, что ты не знаешь точно, сколько их было, а мы в Матрице. Ага. И чёрт знает почему ещё. Этими расчётами займусь позже.

Телефон на столе светится уведомлением. Эрик выходит в прихожую, хлопает там дверьми, возится – вроде роняет пластиковые плечики. И – возвращается с Владимиром.

Я откусываю оставшийся с красного бока фрагмент яблока и угрожающе жую:

– Вечеринка у нас вообще-то завтра. И тебя не приглашали.

– А мне не требуется приглашение.

Для наглядности он хватает из вазы мандарин, одним движением освобождает его от кожуры, разламывает на две части, отправляет их по очереди в рот и яростно сминает зубами.

Буравлюсь зрачками в его зрачки – трудноуловимые пятнышки в карих радужках. А то я не знаю, что стоит за этим хроническим сопротивлением среде. А то он не знает, что это очевидно. Но кое-что стало понятно только сейчас. «Не надейся, что кто-то загноётся следом. Я не дам» – не просто звучало как утешение. Это и было утешением. И даже обещанием.

Кладу огрызок на пустую тарелку, сползаю со стула и одной рукой хватаю Владимира за локоть, а другой исхитряюсь погладить по голове. Он ненамного выше меня – и увернуться не так легко. Волосы жёсткие – будто нейлоновый парик. Он фыркает мне в висок – то ли усмехается, то ли выдыхает.

Отпускаю его:

– Вова, я всё равно это скажу: приходи когда угодно, и завтра тоже. Эрик, так что в итоге с сетью? Мы свободны? Надолго?

– Свободны. Но не очень надолго. Я пока не могу сжечь всю сеть на планете, и она так или иначе регенерирует. – Ныряет в холодильник, шуршит упаковками, закрывает дверцу, разворачивается и касается моего плеча. – А ты забыла купить сметану, так что я сейчас мигом...

– Я сама!

И убегаю, пока никто не поймал.

Выворачиваюсь из «Ленты» с большим пакетом – кроме сметаны, куча попыток всех порадовать. Кто его знает, правда, что любит Вова... Может, рыбу фугу или живых осьминогов... Хотя, наверное, у Эрика все любят борщ. Кто не любит, получает балалайкой по голове.

– Здравствуйте, – вторгается в мои мысли вкрадчивый женский голос.

Бежевое пальто и буклированное кепи. Кто-то из соседей вроде. Плохо запомнила их лица.

А если нет? Вот и проверим, как научил всем известный шеф непойми какой секретной службы.

Молчу и смотрю прямо на неё. Она пожимает плечами, отворачивается и проходит мимо.

Сегодня пятое ноября, но уже пахнет снегом. Будто сквозит зимой через ткань этой самой Матрицы... Как через чистую, выстиранную к празднику, занавеску.

Я прибавляю шаг. И ещё. И бегу. И бегу вприпрыжку.

Не знаю, надолго ли мы свободны. Не знаю, сможем ли мы вообще победить. Но как я могла подумать, что когда-нибудь позволю себе смириться?

И не важно, во что ты играешь. Важно – с кем. Потому что мы не ищем правду. Правды нет. Мы ищем тех, с кем получится сыграть.

Полустёртая зебра. На красный.

За угол – во двор.

По утоптанному снегу наискось – под арку.

И во всех моих окнах горит свет.